

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию

Груздинской Виктории Сергеевны

«Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая

половина 1940-х – середина 1980-х гг.»,

представленную на соискание ученой степени кандидата

исторических наук (специальность 07.00.09 – Историография,

источниковедение и методы исторического исследования

(исторические науки))

Историографию часто рассматривают в качестве своеобразной формы саморефлексии исторической науки. Получается, что изучение истории исторической науки оказывается рефлексией еще более высокого порядка, а обращение к данной предметной области позволяет понять генезис и функционал историографического исследования как особого способа осмысления и проблематизации истории науки. В этом контексте актуальность работы В.С. Груздинской не вызывает сомнений. Более того, учитывая дефицит исследований в данной проблематике, можно говорить, что представленная диссертация позволяет заполнить значительную историографическую лакуну и решить ряд кардинальных вопросов развития советской исторической науки.

Исследование построено на значительном комплексе опубликованных источников и архивных документов. Благодаря интенсивной и скрупулезной работе в архивах Москвы (АРАН, РГАЛИ, НА ИРИ РАН, РГАСПИ, НИОР РГБ, ГЦМСИР), Санкт-Петербурга (ОР РНБ) и Саратова (ГАСО), В.С. Груздинской удалось ввести в научный оборот огромное количество новых фактов, что само по себе делает диссертацию ценным информационным ресурсом. Особый интерес представляет считавшийся утерянным, но обнаруженный автором архив Комиссии по истории исторической науки и обработка нескольких сотен т.н. «Анкет историографов». Необходимо

отметить применение автором комплексного источниковедческого подхода, позволившего решить целый ряд ключевых задач фактологического и концептуального характера.

Также следует указать на четкое понимание автором сложившейся историографической ситуации и умение выявить требующие решения актуальные вопросы. В обстоятельном обзоре имеющейся по теме литературы грамотно расставлены акценты и сделаны интересные наблюдения общего теоретико-методологического характера.

В основе исследования лежит синтез целого ряда подходов, почерпнутых из арсенала науковедения, социологии науки и традиционных историографических штудий. Это позволило подготовить комплексное исследование, отличающееся комбинацией проблемного подхода и тщательной реконструкцией фактической стороны. Особенно хотелось бы подчеркнуть продуктивное применение неоинституционального подхода, постулирующего исследование неформальных практик взаимодействий различных групп внутри формальной институции. В центре внимания автора обоснованно оказывается Институт истории/Институт истории СССР АН СССР. Тем не менее вне поля зрения В.С. Груздинской остались документы партийной ячейки Института. Учитывая роль партийных органов в советском обществе (становившихся фактически организацией в организации и превращавших любую институцию в своеобразную «институциональную матрешку»), думаю, что в партийных архивах можно было бы обнаружить немало любопытных подробностей неформальной институциональной истории историографии. Впрочем, уверен, что отложившиеся там факты не заставят радикально пересматривать уже реконструированную картину.

Первая глава во многом носит вводный характер и демонстрирует особенности развития историографического знания в 1920-40-е гг. В диссертации хорошо показано, что интерес к истории науки в это время во многом был обусловлен трансформацией дореволюционной науки в советскую. Важно наблюдение об особой роли для «историков старой школы»

коммеморативных практик в развитии историографических исследований. Мне кажется, что в данном разделе можно было бы четче указать, что в 1920-е гг. историографические исследования стали инструментом борьбы за символический капитал между т.н. «историками старой школы» и «историками-марксистами».

Также мне кажется, что следует отказаться от рассмотрения «марксистской» историографии 1920-начала 30-х гг. как «ненаучной». Во всяком случае, такое впечатление оставляет довольно эмоциональное высказывание автора: «Накануне войны забрезжил свет надежды – вернуть историографические исследования в научное поле» (С. 84). Получается, что ранее они велись в «ненаучном поле». Думаю, что признание множественности моделей научности позволит «реабилитировать» радикальный, классовоцентричный историографический нарратив «историков-марксистов» 1920-х гг. Для этого имеет смысл поместить их историографические штудии в более широкий контекст науковедческих поисков советских ученых 1920-30-х гг. и вспомнить, как пример, радикальный экстерналистский подход Б. Гессена, презентованный на II Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне (1931). Тогда он вызвал сенсацию и заставил серьезно пересмотреть традиционные подходы к истории науки, став, несмотря на критику, классикой на все времена. В этом смысле экстернализм следует рассматривать как визитную карточку советской модели исследований науки, т.е. как еще один из возможных подходов к исследованию, а не как «антинауку».

Во второй главе на уникальных архивных документах автор реконструирует институционализацию историографических исследований в форме Комиссии по истории исторической науки. Хотелось бы подчеркнуть, что проделанная работа отличается скрупулезностью и высоким качеством. Сам по себе интересен сюжет с подготовкой историографических сборников из серии «Научное наследство». Не все вопросы удалось решить. Так, не вполне ясен принцип назначения на начальном этапе ее существования глав

Комиссии. Создается впечатление, что она доставалась им в качестве общественной нагрузки. Хорошо показано, что вплоть до 1949 г. работа Комиссии во многом носила номинальный характер из-за острого кадрового голода. В этой связи, мне кажется, что утверждение об определяющем влиянии на динамику развития историографических исследований возросшего авторитета науки после победы в Великой Отечественной войне выглядит несколько абстрактно. Устойчивый интерес к истории науки был характерен для советской науки еще в 1920-е и особенно в 1930-е годы, а обобщающие труды Н.Л. Рубинштейна и О.Л. Вайнштейна также были опубликованы до войны. Сразу после войны появление Комиссии не стало реальным фактором развития историографических исследований из-за ее фактического бездействия. Мне кажется, что именно идеологические кампании конца 1940-х гг. стали определяющим фактором стимулировавшим внимание к историографии управленцев от науки и идеологов и, как следствие, выделению для ее развития кадровых и материальных ресурсов.

Значительно подробнее, чем это было в имевшейся литературе, исследуется работа Научного совета по проблеме «История исторической науки». Системный подход к источникам позволил В.С. Груздинской пересмотреть каноническую дату появления совета. Продуктивным стал анализ работы совета как коммуникативной площадки. Особое внимание было уделено т.н. «историографическим средам», что помогло глубже понять коммуникативные практики среди специалистов и внутренние механизмы расширения историографических исследований в 1960-е-70-е гг. Особый параграф посвящен дискуссии о периодизации истории советской исторической науки, где автору удалось отойти от простой реконструкции концепций участников дискуссии и предложить прекрасный образчик социальной истории. В определенном смысле дискуссия – это борьба за доминирование в поле историографических исследований, и ключевым конфликтом здесь оказывается концептуальная дуэль М.Е. Найденова и М.В. Нечкиной. В.С. Груздинская обоснованно предполагает, что перед нами

сложное сочетание методологических противоречий, личного конфликта и, возможно, борьбы институций (МГУ vs Институт истории). Документы РГАНИ подтверждают, что конфликт между М.Е. Найденовым и М.В. Нечкиной носил перманентный характер и касался не только историографических вопросов.

Не меньший интерес вызывает и исследование процесса «реабилитации» М.Н. Покровского в 1960-е гг. Автор обоснованно связывает это с оттепельными процессами в советском обществе. Особую роль в этом играли бывшие ученики М.Н. Покровского, к тому времени занявшие важные позиции в научном сообществе. Интересно было бы сравнить этот процесс с «реабилитацией» В.О. Ключевского в середине 1930-х гг. Тогда это символизировало заметное изменение сил в поле исторической науки, и отражало смену в нем лидеров. В этой связи реабилитация М.Н. Покровского также носила важную символическую нагрузку, смысл и контексты которой еще предстоит до конца выяснить. Дискуссию о реабилитации М.Н. Покровского можно было бы продолжить скандальной историей, связанной со статьей одного из лидеров русских националистов С. Семанова «О ценностях истинных и мнимых» (1970), в которой он критиковал положительные оценки историка, считая его творцом «антирусской истории». Здесь фигура М.Н. Покровского оказалась помещена в контекст развития «почвеннического» направления советской общественной мысли.

В тексте встречаются небольшие неточности. Так, историк Г.А. Трукан назван «Трукманом» (С. 231). Имеются ошибки в инициалах ряда действующих лиц. Но все это не может снизить высокое качество проделанной работы.

Автореферат диссертации и публикации автора по теме исследования, наиболее значимые из которых включены в Перечень ведущих научных рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание научной степени доктора и кандидата наук, адекватно отражают содержание диссертации.

Следует признать, что диссертационная работа Груздинской Виктории Сергеевны «Дисциплинарная история историографии в СССР: вторая половина 1940-х – середина 1980-х гг.», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук (специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки)), соответствует требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (в редакции от 28.08.2017), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а Груздинская Виктория Сергеевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Даю согласие на включение своих персональных данных в аттестационное дело соискателя.

Официальный оппонент
Ведущий научный сотрудник
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Института российской истории
Российской Академии наук
(ИРИ РАН) (117292, г. Москва
ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
(499) 126-94-49; iriran@mail.ru; www.iriran.ru)
доктор исторических наук
(специальность 07.00.09 - Историография, источниковедение
и методы исторического исследования)

В.В. Тихонов

Адрес места работы: 117292, г. Москва
ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
(499) 126-94-49; iriran@mail.ru; www.iriran.ru